

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

СЕНТЯБРЬ—1983 г.

Николай Шамсутдинов

Передавая редакции новые стихи, поэт из Сургута, член Союза писателей СССР Николай Шамсутдинов сказал: «Предлагаемые мной стихи посвящены самой актуальной и животрепещущей теме — сохранению мира и спасению человечества от угрозы термоядерной войны. Все они вошли в новую стихотворную книгу, которая готовится к выходу в одном из московских издательств. Кроме того, ведется работа еще над двумя стихотворными сборниками, книжками для детей и книгой очерков о тружениках Тюменщины...»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АМЕРИКАНСКОМУ НАРОДУ

Чем славна ты, Сибирь, что простерлась от Камня до Карского моря? Белозною снегов поуремных, лесами, припавшими к зорям? Просто неназваемо чувство, что ты из сердца исторгло, Нет эпитетов ошеломлению, восторгу... Здесь неспешные реки былинные катят дородные воды, Арматурой, порталными кранами затканы мощно восходы. А взгляни за Атлантику — выщерблен оцепеневший рассвет Непреклонно сталью застывших крылатых ракет. Еще в ясные сны наших милых прорастают грядущие дети, Рукописные свитки тоскуют по пристальным нашим рукам, А уже по ракетам и бомбам слагается страшная клинопись Смерти, И слагают ее, и читают ее — эпитафией нам. «Как аукнется — так и откликнется» — нашей заповедью остается, Но не быть опаленной пустыне и урановым мертвым ветрам! Эпитафия Братску, Байкалу волшебному не обернется Эпитафией Кембриджу, Хьюстону — да, эпитафией вам? В черном фокусе маленькой кнопки — весь мир, раздираемый «зонами». Под прицелом растут, утверждая добро, города. По несправедным, диким законам, диктуемым мегатоннами. Чем бы нам ни грозил

подчас, нам не жить никогда! Расфасован глобальный убойный огонь по нацеленным боеголовкам. Нам беспечности и малодушия мир никогда не простит. Засыпает ребенок, светлея доверчивой русой головкой... Смертоносной, оплавленной тьмы над судьбой его — не допусти! Но мы верим в грядущее наших общих орбит и созвездий, Ведь для рукопожатья, как прежде, распахнута наша рука. Да не стать ей тяжелою, гневной десницей возмездья, По извечным законам взыскующей правды, разящей врага.

Тень застывших крылатых ракет накрывает собой поколения... Пусть людей ОКРЫЛЯЕТ любовь, пусть КРЫЛЯТЫМ зовут вдохновенье, Пусть отвага и разум пребудут КРЫЛЯТЫМИ! Нет! — Катастрофе и страху. Нет! — призраку черных крылатых ракет.

НИКОГДА НЕ ИЗБЫТЬ ВИНЫ

Участникам атомной бомбардировки Хиросимы

Никогда не избыть им вины... Где то небо плакучее? Рядом... Там ударил из голубизны На рассвете Взбесившийся атом. Страшен мертвый, пронзающий свет — Если небо царапают руки, И от боли вопит человек — Воплощение адовой муки.

Никогда Не избыть им вины. Никогда не избыть им вины!

Крик отчаянья смаял перепонки, И в обмылок бетонной стены Вьелись тени листья и ребенка.

Не отпрянешь — Сознание рвет Эту страшную графическую аду.

Что же в будущем Перечеркнет, Пламенея. Автограф распадет? Никогда Не избыть им вины... Никогда Не избыть им вины. Здесь деревья растут, Но их корни В смрадной толще переплетены Захлебнулись отравлен кровью Под дождями сползает нагар И, бросая смятенные на лиц

Вдруг заропщел под ветром Кошмар Бурных, красных Олившихся листьев. Никогда

ПАМЯТИ РОБЕРТА СЭНДСА

На краю самой северной тундры полуострова Ямал — Томбейской тундры — белым конусом врезан в вечернее небо кочевья чум табунишки Вылко. С закопченной, пугающей под прерывистым карским ветром стеной из оленьих шкур улыбается с фотографии длинноволосый ирландский парень, написавший в своем дневнике: «Я стою на краю исчезающего для меня мира». Это он, Роберт Сэндс, первым объявил голодовку протеста против бесчеловечной политики и произвола тори. На шестьдесят шестой день он погиб. ...Хозяин мой, Вылко, приземист, широкоплеч, весь налит коренной силой потомственного зверовода и скотника. В кружке, поданной им, голубиной отливает спирт — скромные поминки по Роберту...

Он плачет: «Входит беда за бедою в наш дом. Наша печаль Не подает парню голоса. Помню, как стонет в детстве моем Голая тундра — метафора голода. Голод — Безумие взгляда, глэд, Скудные токи в безжизненных жилах, Высохший символ, выпивший силы; Скорби и эпитафии Брат. Гибельным братством наций и рас прошлого

«Снег захирел, ледяною оделся корою... Сспрел. С ветром касляня, в разлапистым факелом — Голубиной Истекает апрель. Застлана тундра воспрянувшим ягелем. В жесткие, душные шкуры уткнув торбаса, В кружках печальные взгляды пряча, Пьем — Жестяной холодок у лица... Господи! — Я поднимаю глаза. На запотевшие скулы —

Не избыть им вины! Никогда Не избыть им вины... И, зачаты на страшном рассвете, В эти горькие дни рождены, Приползут сюда бедные дети.

И рыданий не перебороть, Когда, немо вопящая, Рядом Расползается детская плоть

Под дыханьем И даже под взглядом. Никогда Не избыть им вины! Никогда Не избыть им вины! Те, что были любимы, красивы, — В стратегических сводках мертвы, Но в обугленной памяти — живы!

Пусть их вопли, Рыдающий смех, Их слепые стенания Будят, И взыскают, и мучают тех, Кто вины никогда не забудет! Никогда Не избыть им вины!

СТИХИ О СЫНЕ

«...Каждый из нас ответствен перед человечеством...» Габриэль Гарсиа Маркес

а благословенно дыханье твое!.. Сквозь неровное ляганье ранних, задерганных лифтов,

Сквозь гул проводов в толчее воробьиных петитов,

Сквозь свары грачей в нарастающих скверах,

Сквозь заспанный шорох газет, Сыроватых и серых, Набитых прогнозами о фестивале, Грядущем нейтроне, Приправленных отблеском «Спящей Венеры» Джорджоне...

Смотрит на нас. Горбясь, молчит материнское горе отболевших, закрывшихся глаз... Тусклый очаг. Догорают поленья. Комкает тени бессильный огонь И умирает от истощенья — Бледные угли молчат под ногой.

Затверженным грамматикам перечая И письменам разливая аной,

Лукавая, На вымерших наречьях Ты говорила, Азия, со мной.

И постигал на плосколиных плитах Твой почерк, Бередящий новизной, Открытый токам времени, Псыртый Испытанной саднящей седяной.

Не проше ли полночью певучей С транзитною гитаркою плакучей, Перебирая дни на дне души,

Обкатывая в эпосах созвучья, Ныть соловьем и мучить падежи? И в бдениях, запетых до основ,

Всеж удивлять, ловить оттенки слов И ляковать, найдя им воплощенье

В задерганных потоках обобщенья?..

—Нет! — Вывечает мир поэя.

На свежей заре, Когда воют истошные камни Набатных надгробий в Соуэто, Майами, Ливане,

Когда в горевом Сальвадоре в зенит поднимается рев Объятых распадом и пламенем Тысячустых Голгоф, Когда над просторами БАМа,

Бросая огни на кедрач, По утренним звездам хлобщет рабочий кумач, —

Я слышу дыханье твое... Я слышу дыханье твое — Сквозь реактивные футы Рассветного Байконура, Сквозь воды молчания перед шедеврами

Лувра, Сквозь рокот людского прибоа, омывший мадонн Ботичелли, Сквозь слезы голодных детей, Матерей их, чьи груди истлели, —

Я слышу, Я слышу дыханье твое... Сейчас, Когда мир перед выбором,

Все мы в ответе За теплые, ясные дни сыновей на рассвете, — Ждет часа Впрессованный в боеголовки ракет Свет атомной порошли, Испепеляющий свет. Когда твой ребенок посапывает, нагретой щекой на ладонь, —

Уже континенты пошатывают Прицельный, убойный огонь.

Сквозь свары грачей в нарастающих скверах, Сквозь заспанный шорох газет,

Сыроватых и серых, Набитых прогнозами о фестивале, Грядущем нейтроне, Приправленных отблеском «Спящей Венеры» Джорджоне...

Сквозь неровное ляганье ранних, задерганных лифтов, Сквозь гул проводов в толчее воробьиных петитов,

Сквозь свары грачей в нарастающих скверах, Сквозь заспанный шорох газет,

Сыроватых и серых, Набитых прогнозами о фестивале, Грядущем нейтроне, Приправленных отблеском «Спящей Венеры» Джорджоне...

Сквозь свары грачей в нарастающих скверах, Сквозь заспанный шорох газет,

Сыроватых и серых, Набитых прогнозами о фестивале, Грядущем нейтроне, Приправленных отблеском «Спящей Венеры» Джорджоне...

Сквозь свары грачей в нарастающих скверах, Сквозь заспанный шорох газет,

Сыроватых и серых, Набитых прогнозами о фестивале, Грядущем нейтроне, Приправленных отблеском «Спящей Венеры» Джорджоне...

Сквозь свары грачей в нарастающих скверах, Сквозь заспанный шорох газет,

Сыроватых и серых, Набитых прогнозами о фестивале, Грядущем нейтроне, Приправленных отблеском «Спящей Венеры» Джорджоне...

Сквозь свары грачей в нарастающих скверах, Сквозь заспанный шорох газет,

Сыроватых и серых, Набитых прогнозами о фестивале, Грядущем нейтроне, Приправленных отблеском «Спящей Венеры» Джорджоне...

Сквозь свары грачей в нарастающих скверах, Сквозь заспанный шорох газет,

Сыроватых и серых, Набитых прогнозами о фестивале, Грядущем нейтроне, Приправленных отблеском «Спящей Венеры» Джорджоне...

Сквозь свары грачей в нарастающих скверах, Сквозь заспанный шорох газет,

Сыроватых и серых, Набитых прогнозами о фестивале, Грядущем нейтроне, Приправленных отблеском «Спящей Венеры» Джорджоне...

Сквозь свары грачей в нарастающих скверах, Сквозь заспанный шорох газет,

Сыроватых и серых, Набитых прогнозами о фестивале, Грядущем нейтроне, Приправленных отблеском «Спящей Венеры» Джорджоне...

Что крикнет спросоном наш мир, обезумевший, ранний, «Фантомами» Вознесенный на острие страданий? И ты не успеешь ответить, в клубящихся молниях,

Слепо Уже демонической силою Врезан в скрижальное небо...

Но верю я! — Неистребима по скверам и пушам листва, Вовеки нетленна над миром

Целительная синева, Опушены веки любимой... Но все так же ясно под вечер

Не гаснут в ольхе и рябине ее приворотные плечи,

И горя, И горнего счастья нам полною мерой отпущено. Мы братья не только по разуму, мы братья и —

По грядущему. Мир стоит борьбы в лишенный. И он мне дороже, когда. Во мне —

каждой клеткою чувствую — Завязываются века, Завязываются потомки... И каждый во мне

растворен. Как будто веснее древо, я выброшу крону имен, Лепечущих, дышащих, жарких, настойчивых, бурных —

Живых! Я слышу. Я слышу. Я слышу. Я слышу. Я слышу. Я слышу.

США. На этом снимке, сделанном фотокорреспондентами ТАСС, — массовая манифестация американцев перед Белым Домом против милитаристской и антинародной политики администрации Рейгана.

США. На этом снимке, сделанном фотокорреспондентами ТАСС, — массовая манифестация американцев перед Белым Домом против милитаристской и антинародной политики администрации Рейгана.